

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

ТРЕТИЙ БЛИЗНЕЦ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Ф 75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett
THE THIRD TWIN

*Перевод с английского Н. Рейн
Компьютерный дизайн О. Жуковой*

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф74 Третий близнец : [роман] / Кен Фоллетт; [пер. с англ. Н. Рейн]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-106925-4

Запрещенные эксперименты над людьми тайно проводятся в «политически корректной» Америке по заказу очень могущественных людей. Это кажется бредом. Однако генетик Джинни Феррами, случайно получившая доступ к секретным файлам ФБР, уверена — это правда! Она начинает собственное расследование. Она идет все дальше — и узнает все больше. Сначала ей просто пытались заткнуть рот. Теперь ее пытаются уничтожить!...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-106925-4 © Ken Follet, 1996
© Перевод. Н. Рейн, наследники, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Воскресенье

1

Жара накрыла Балтимор удушливой волной. В зеленом пригороде воздух охлаждали специальные устройства, орошающие сотни лужаек, но местные жители предпочитали отсиживаться в домах с кондиционерами, включенными на полную мощность. Апатичные шлюхи, норовившие укрыться в тени деревьев на Северной авеню, потели в своих париках; юнцы, промышленявшие наркотой в переулках, доставали зелье из карманов мешковатых шорт. Стоял конец сентября, а осенью еще и не пахло.

Кое-где проржавевший белый «датсун» с разбитой фарой, заклеенной куском изоляционной ленты, медленно двигался по улицам северного рабочего пригорода, населенного преимущественно белыми. Кондиционера в машине не было, поэтому водитель опустил все стекла. Это был красивый молодой человек лет двадцати двух в отрезанных выше колен джинсах, чистой белой футболке и красной бейсболке, на которой белыми буквами было написано «Охрана». Сиденье уже давно стало липким от пота, но его это, похоже, ничуть не беспокоило. Настроение у него было прекрасное. Радиоприемник в машине был настроен на волну 92-Кью — «Двадцать самых крутых хитов подряд». Рядом лежала раскрытая папка. Время от времени он заглядывал в нее, стараясь запомнить перечень напечатанных на странице технических терминов. На следующий день ему предстояло сдавать экзамен. Учебка давалась ему легко, весь этот список он мог выучить за несколько минут.

На красный свет рядом с ним остановился «порше» с откидным верхом. Он широко улыбнулся сидевшей в нем блондинке.

— Славная у вас тачка!

Женщина молча отвернулась, но уголки ее губ дрогнули в улыбке. Огромные солнечные очки скрывали пол-лица, из чего он сделал вывод, что дама, очевидно, вдвое старше, чем показалось на первый взгляд: это относилось к большинству женщин, ездивших в «порше».

— Устроим гонки? — предложил он. — Кто первый до следующего светофора?

Она рассмеялась соблазнительным мелодичным смехом, положила узкую элегантную руку на переключатель скоростей и, едва загорелся зеленый, рванула вперед, как ракета.

Он пожал плечами:

— Я только учусь.

А вот и цель поездки — утопающий в тени деревьев кампус университета Джонс-Фоллз, куда более шикарного, чем тот, который посещал он. Когда он въезжал в ворота, мимо трусцой пробежали восемь или десять женщин в спортивной форме — облагающих шортах, кроссовках «Найк», мокрых от пота футболках и солнцезащитных козырьках. Команда по хоккею на траве на тренировке, догадался он, впереди капитан, и все, похоже, в прекрасной форме.

Группа свернула к кампусу, и тут вдруг он отчетливо представил себе нечто такое, от чего у него перехватило дыхание. Он едва мог вести машину. Он представил себе этих женщин в душевой. Вон та полненькая намаывает тело мылом, рыжеволосая вытирает полотенцем медно-рыжие волосы, чернокожая девушка по очереди поднимает длинные ноги и влезает в белые кружевные трусики. А капитанша расхаживает по раздевалке в чем мать родила, поигрывая мускулами, готовая в случае опасности защитить своих подопечных. И тут вдруг все они, вытаращив глаза, начинают метаться по раздевалке с пронзительными истерическими криками. Бегают взад-вперед, наталкиваются друг на друга. Пышечку сбивают с ног, и она лежит на полу и рыдает, а все остальные, то и дело наступая на нее, бестолково мечутся, пытаются спрятаться или просто убежать куда глаза глядят от грозящей им опасности.

Он остановился у обочины и сидел в машине, хватая ртом воздух и чувствуя, как бешено колотится сердце. Это была лучшая из его фантазий, однако в ней не хватало весьма существенной детали. Чего именно они испугались? Он напряг воображение и не сдержал восторженного восклицания, когда его осенило.

Пожар! Да, именно! В раздевалке начался пожар, и они испугались пламени. Они мечутся и задыхаются в дыму, беспомощные, обезумевшие, полураздетые.

— О мой Бог!.. — еле слышно прошептал он, вперившись взором в ветровое стекло «датсуна», точно именно в нем, как на экране телевизора, разворачивалась сейчас эта ужасающая сцена.

Спустя какое-то время он успокоился. Возбуждение было все еще сильным, но фантазии ему явно было мало — все равно что мечтать о пиве, когда тебя мучает жажда. Задрал футболку и вытер ею выступивший на лице пот. Он знал, что может выбросить из головы эту фантазию и ехать дальше, но ему жалко было с ней расставаться, слишком уж она получилась замечательная. И страшно опасная — его запросто могли бы упечь за решетку, если б поймали, — но ощущение опасности никогда его прежде не останавливало. Он пытался побороть искушение, даже плечами передернул — не помогло.

— Я хочу этого, хочу! — пробормотал он, тронул машину с места, развернулся и въехал через высокие помпезные ворота на территорию кампуса.

Он бывал здесь и прежде. Университетская территория занимала сотни акров — лужайки, сады, леса. Здания по большей части были сложены из красного кирпича, на их фоне резко выделялось несколько современных строений из стекла и бетона, и все они были связаны между собой сплетением узких дорожек с решеткой и счетчиками для паркинга.

Хоккейная команда исчезла, но он без труда нашел спортивный зал — длинное приземистое здание рядом с беговой дорожкой. Он припарковался возле счетчика, но монетки в него опускать не стал, он никогда этого не делал. Мускулистая капитанша хоккейной команды стояла на ступеньках у входа в спортивный зал и разговаривала с каким-то парнем в рваном свитере. Он поднялся по ступенькам, проходя мимо капитанши, улыбнулся ей, отворил дверь и вошел внутрь.

В вестибюле было множество парней и девушек в шортах и с повязками на головах. Они входили и выходили со спортивными сумками через плечо и с ракетками в руках. Наверняка спортивные команды университета тренируются в основном по воскресеньям. В центре вестибюля стоял стол, за которым сидел охранник и проверял студенческие билеты; но в этот момент подошла особенно большая группа, студенты так и валили мимо охранника толпой, одни показывали свои карточки, другие забы-

вали это сделать, и он, пожав плечами, продолжил читать «Мертвую зону».

Незнакомец повернулся к нему спиной и принялся рассматривать выставленные в стеклянной витрине серебряные кубки — трофеи, завоеванные спортсменами Джонс-Фоллз. Как раз в этот момент в зал вошла футбольная команда — десять мужчин и коренастая женщина в бутсах, и он быстро присоединился к ним. Вместе с ними он прошел через вестибюль и начал спускаться по широкой лестнице в полуподвальное помещение. Они обсуждали игру, смеялись, радовались удачно забитому голу, возмущались нечестной игрой соперников и не обращали на него ни малейшего внимания.

Походка его была небрежной и неторопливой, но глаза внимательно смотрели по сторонам. Прямо под лестницей был маленький закуток, где находились автомат с колой и телефонная будка. Тут же была дверь в мужскую раздевалку. Женщина, громко топая бутсами, двинулась дальше по длинному коридору, очевидно, направляясь к женской раздевалке, которая явно была пристроена позже: архитектор не ожидал, что в Джонс-Фоллз будет учиться столько девушек.

Незнакомец подошел к телефону-автомату и сделал вид, что ищет монету. Юноши все еще входили в свою раздевалку. Он увидел, как женщина скрылась за дверью в конце коридора. Так, теперь ясно, где находится женская раздевалка. Все они сейчас там, раздеваются, принимают душ, растирают друг друга полотенцами. Его вновь охватило возбуждение. И от ощущения близости к ним словно обдало жаром. Он отер пот со лба тыльной стороной ладони. Теперь лишь остается воплотить фантазию в реальность — напугать их всех до полусмерти.

Он постарался успокоиться. И потом, не следует спешить, иначе ничего не получится. Надо все тщательно спланировать, а на это уйдет несколько минут.

Когда все парни скрылись в раздевалке, он пошел по коридору к дальней двери.

Три двери — две с одной стороны и последняя в самом конце. Женщина вошла в ту, что справа. Он проверил, что скрыто за самой дальней дверью, и обнаружил там большую пыльную комнату, заставленную разными механизмами. По большей части то были бойлеры и фильтры — оборудование для плавательного бассейна. Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Помещение было наполнено тихим электрическим гулом. И тогда он предста-

вил себе, как обезумевшая от ужаса девушка в одном лишь нижнем белье — и белье это, как ему показалось, должно быть непременно в цветочек, и лифчик, и трусики, — лежит на полу, смотрит на него испуганными глазами, а он не спеша расстегивает пряжку на ремне. Секунду-другую он упивался этим сладостным видением, на губах его играла улыбка. Она находится всего лишь в нескольких ярдах и сейчас наверняка ожидает наступления вечера. Вполне возможно, у нее есть парень, и она думает, где и как провести с ним всю ночь. Или же, напротив, она невинна, одинока и немного застенчива, и заняться ей в воскресный вечер совершенно нечем, разве что смотреть по телевизору сериал с Коломбо. А может, завтра ей надо сдать курсовую работу и она собирается всю ночь просидеть за книгами. *Ничего подобного, детка! Тебе придется заняться совсем другим. Настало время кошмара.*

Он проделывал подобные штуки и прежде, но чтоб на таком уровне — никогда. Ему всегда нравилось пугать девочек, еще со школьных времен. Ну что могло быть слаще, чем загнать какую-нибудь девчущку в укромный уголок и угрожать, и пугать ее до тех пор, пока она не начнет плакать и молить о пощаде. Вот почему он часто переходил из одной школы в другую. Нет, иногда он назначал девушкам свидания, чтоб быть похожим на других парней, даже ходил с ними в бар под ручку. Но это времяпрепровождение казалось ему бессмысленным.

У каждого свой прикол, думал он. Кому-то из парней нравится наряжаться в женскую одежду, другие просто обожают встречаться с девушками, одетыми в кожу и сапоги со шпорами. Один его знакомый считал, что самое сексуальное у женщин — ступни; он был готов часами простаивать в обувной секции универмага, наблюдая за тем, как женщины примеряют туфли.

А его приколом был страх. Ему нравились женщины, дрожащие от страха. В противном случае он не испытывал к ним ни малейшего влечения.

Он внимательно огляделся по сторонам и заметил приставленную к стене лестницу — вверху виднелась металлическая задвижка. Он быстро взобрался по ней, отпер задвижку, распахнул окошко под потолком. И увидел толстые шины «крайслера» на парковочной стоянке. Это помогло ему сориентироваться. Он находился в задней части здания. Затворив окошко, он запер его на задвижку и спустился по лестнице.

Затем он вышел из машинного зала. В коридоре он увидел идущую навстречу женщину, та окинула его недружелюбным

взглядом. На секунду он ощутил замешательство: она вполне могла спросить, какого черта он ошивается возле женской раздевалки. Скандал в его планы не входил. Напротив, мог все испортить. Но тут взгляд ее упал на надпись на его бейсболке, она увидела слово «Охрана», тут же успокоилась, отвернулась и вошла в раздевалку.

Он усмехнулся. Эта кепка была куплена в сувенирной лавке за 8 долларов 99 центов. Но люди привыкли видеть охрану в джинсах на рок-концертах, научились не обращать внимания на детективов с бандитскими физиономиями, на парней в свитерах из службы безопасности аэропортов и не утруждали себя проверкой документов у каждого, кто называет себя охранником.

Он подергал дверь напротив женской раздевалки. Она отворилась, там оказалась небольшая кладовая. Он включил свет и заворил за собой дверь.

Вешалки и полки занимал старый спортивный инвентарь. Большие черные мячи, драные резиновые маты, хоккейные клюшки, порванные боксерские перчатки. В углу была свалена гора складных деревянных стульев. Здесь же стоял гимнастический конь, хромой на одну ногу и с треснувшей обивкой. В комнате пахло плесенью и пылью. Вдоль потолка тянулась большая серебряная труба, и он догадался, что, очевидно, именно с ее помощью обеспечивается вентиляция в женской раздевалке.

Он подпрыгнул и подергал болты, крепившие трубу к вентилятору. Нет, голыми руками их не отвернуть, но в багажнике «датсуна» у него лежал гаечный ключ. Если отсоединить эту трубу, то в раздевалку начнет поступать воздух не с улицы, а из кладовой.

А огонь можно развести прямо под вентилятором. Достать канистру с бензином, отлить немного в пустую пластиковую бутылку из-под перье и принести сюда. И еще не забыть захватить спички, кусок газеты и гаечный ключ.

Пламя займется быстро, дыма будет предостаточно. Он намочит водой тряпку, закроет ею рот и нос и будет ждать до тех пор, пока вся эта комнатуха не заполнится дымом. А потом отсоединит вентиляционную трубу. И дым повалит в женскую раздевалку. Сначала, конечно, никто ничего не заметит. Может, одна или две девчонки принюхаются и начнут возмущаться: «Здесь что, кто-то курит, что ли?» И тогда он откроет дверь в коридор, и тот тоже наполнится дымом. Девушки поймут, что что-то не так, тоже распахнут дверь в коридор и подумают, что все здание охвачено огнем. Вот тут-то и начнется паника.

И тогда он войдет в раздевалку. И увидит там целые горы бюстгальтеров и чулок, голые груди, попки, ляжки и эти их дурацкие мохнушки. Девушки будут выбегать из душа, голые и мокрые, стараясь найти полотенца; некоторые в истерике начнут напяливать шмотки; но большая их часть, ослепленная дымом и страхом, будет бестолково метаться по комнате в поисках выхода с криками, рыданиями и визгом. А он притворится охранником и начнет командовать: «Всем одеться, живо! Положение критическое! Здание горит! Выходите отсюда! Бегите! Бегите!» Будет хлопать их по голым попкам, расталкивать, выхватывать из рук одежду и лапать, лапать всех подряд. И они поймут, что им грозит нешуточная опасность, но большинство просто одуреют от страха. Правда, если среди них окажется та мускулистая капитанша хоккейной команды, расклад будет другой. Она, пожалуй, из тех, кто сумеет сохранить присутствие духа, а потому придется сразу вывести ее из строя.

Он рассмотрит их всех и выберет себе главную жертву. Ею должна стать какая-нибудь хорошенькая девушка с испуганными глазами. Он возьмет ее под руку и скажет: «Сюда, пожалуйста! Ничего не бойтесь, я охранник». И выведет ее в коридор, а потом затащит в машинный зал. И она, дурочка, уже будет думать, что в безопасности, но тут он врежет ей по физиономии, а потом — под дых и швырнет ее на грязный цементный пол. И будет наблюдать, как она катается и рыдает на этом полу, задыхается от слез и с ужасом смотрит на него.

И тогда он улыбнется и начнет расстегивать ремень.

2

Миссис Феррами сказала:

— Я хочу домой.

Ее дочь Джинни ответила:

— Не волнуйся, мамочка, мы заберем тебя отсюда очень скоро. Скорее, чем ты думаешь.

Ее младшая сестра Пэтти покосилась на Джинни и спросила:

— Интересно знать, как это, черт возьми, у тебя получится?

Комнатушка в доме для престарелых Белла-Виста — это все, на что хватило страховки матери, и надо сказать, что обстановка здесь была довольно убогая. Две высокие больничные койки, два

встроенных шкафа, диванчик и телевизор. Стены выкрашены в уныло-коричневый цвет, на полу пластиковая плитка в оранжево-кремовую полоску. На окне решетка и никаких занавесок, а само оно выходит на автозаправочную станцию. В углу раковина, туалет в конце коридора.

— Хочу домой, — повторила мама.

— Но, мамочка, — возразила Пэтти, — ты постоянно все забываешь, ты уже не можешь сама о себе позаботиться.

— Глупости! Еще как могу, и не смей разговаривать со мной в таком тоне!

Джинни прикусила губу. При виде старой развалины, в которую превратилась ее мать, ей хотелось плакать. У мамы были крупные волевые черты лица: черные брови, темные глаза, прямой нос, большой рот и резко очерченный подбородок. Такую же внешность унаследовали и Пэтти с Джинни. Правда, мама была маленькая, а обе они очень высокие — в папу. Все три отличались непоколебимым упрямством, а их взгляд называли «грозным» — характерная черта всех женщин из рода Феррами. Впрочем, мама уже никогда не будет грозной. У нее обнаружили болезнь Альцгеймера.

И это при том, что ей не было еще и шестидесяти. Джинни исполнилось двадцать девять лет, а Пэтти — двадцать шесть, и они от души надеялись, что мамочка вполне сможет позаботиться о себе еще несколько лет. Но эти надежды развеялись сегодня в пять часов утра, когда им позвонил полицейский и сообщил, что нашел их мать, которая, рыдая, брела по 18-й улице в грязном халате. Несчастливая уверяла, что забыла, где живет.

Джинни прыгнула в машину и помчалась в Вашингтон — езда из Балтимора в тихое воскресное утро заняла примерно час. Она забрала маму из полицейского участка, отвезла домой, помыла и передела, затем позвонила Пэтти. И вот сестры договорились отвезти маму на консультацию в Белла-Виста. Приют находился в небольшом городке в округе Колумбия, между Вашингтоном и Балтимором. Там провела свои последние годы их тетушка Роза. У тетушки Розы была в точности такая же стряховка, как у мамы.

— Мне здесь не нравится, — сказала мама.

— Нам тоже не нравится, — ответила Джинни, — но в данный момент это все, что мы можем себе позволить. — Ей хотелось, чтоб ее слова прозвучали убедительно, а вышло грубовато.

Пэтти бросила на нее укоризненный взгляд и сказала:

— Перестань, мамочка. Нам приходилось жить и в худших условиях.

Что правда, то правда. После того как отца посадили во второй раз, мать с двумя дочерьми жили в одной комнате, здесь же стоял кухонный стол с электроплиткой, а умывальник находился в коридоре. То были трудные годы. Но мама приняла этот вызов храбро, как львица. Как только Джинни и Пэтти пошли в школу, она нашла надежную пожилую женщину, которая могла бы позаботиться о девочках, и устроилась на работу. Она была парикмахершей, искусной и старательной, хоть и немного старомодной, и вскоре они уже переехали в маленькую, но отдельную квартирку, состоявшую из двух комнат. Поселились они в Адамс-Морган, рабочем, но достаточно уважаемом в ту пору районе.

На завтрак она готовила тосты и отправляла Джинни с Пэтти в школу в чистеньких платяцах; затем делала себе прическу и макияж: работая в салоне, следовало выглядеть пристойно. Кухню оставляла в безупречном порядке, на столе всегда стояла тарелка с печеньем для девочек, чтобы они могли перекусить, когда вернутся домой. По воскресеньям все втроем дружно занималась уборкой и стиркой. Мама всегда была такой энергичной, надежной, неутомимой — просто сердце разрывалось при виде лежавшей в постели беспомощной, потерявшей память женщины.

Вот она недоуменно нахмурилась и спросила:

— Скажи, Джинни, зачем это ты носишь кольцо в носу?

Джинни дотронулась до тоненького серебряного ободка в ноздре и грустно улыбнулась:

— Я сделала пирсинг еще ребенком. Ты что, забыла, мам, как тогда рассердилась? Я думала, ты меня на улицу вышвырнешь.

— Забыла, — пробормотала мать.

— А я помню, — вмешалась Пэтти. — Я еще тогда подумала, что ничего шикарней в жизни не видела! Но мне было одиннадцать, а тебе — четырнадцать, и все, что бы ты ни делала и ни говорила, казалось таким стильным, замечательным, умным!

— Может, так оно и было, — усмехнулась Джинни.

Пэтти хихикнула.

— Ну уж только не оранжевый жакет!

— О боже, да, этот жакет! В конце концов мама просто сожгла его. После того как я переночевала в заброшенном доме и набралась там блох.

— А вот это помню, — сказала мама. — Блохи! У моего ребенка! — До сих пор при упоминании об этом она возмущалась, хотя с тех пор прошло пятнадцать лет.

И тут все они повеселели. История с жакетом и блохами напомнила им, как близки они были когда-то. Самый подходящий момент, чтобы уйти.

— Мне, пожалуй, пора, — сказала Джинни и встала.

— Мне тоже! — подхватила Пэтти. — Надо еще приготовить обед.

Но ни одна из них не решилась подойти к двери. Джинни казалось, что она предает мать, бросает ее в трудную минуту. Никто ее здесь не любит. Ей нужна семья, нужен уход. Джинни и Пэтти должны остаться с ней, готовить для нее, стирать белье и ночные рубашки, включать телевизор, когда показывают ее любимую передачу.

— Ну, когда я вас теперь увижу? — спросила мама.

Джинни хотелось сказать: «Завтра. Я принесу тебе завтрак и пробуду с тобой весь день». Но она этого не сказала, не смогла. Всю неделю она будет страшно занята на работе. Ее охватило чувство вины. *Как я могу быть такой жестокой?!*

На помощь ей пришла Пэтти:

— Я приду завтра. И приведу ребятшек. Уверена, ты будешь рада их увидеть.

Но мать не позволила Джинни отделаться столь легко.

— А ты придешь, Джинни? — спросила она.

— Как только смогу, — выдавила та. И, задышавшись от стыда и горя, наклонилась и поцеловала мать. — Я люблю тебя, мамочка. Помни это.

Как только они оказались за дверью, Пэтти разрыдалась.

Джинни тоже хотелось плакать, но она была старшей сестрой и давным-давно научилась контролировать свои эмоции в присутствии Пэтти. Она обняла сестру за плечи, и они зашагали по пахнущему антисептиком коридору. Нет, Пэтти никак нельзя назвать слабой, но она всегда была более восприимчивой, чем волевая и смелая Джинни. За что последней частенько доставалось от матери: та считала, что Джинни не мешало бы стать помягче — такой, как Пэтти.

— Честное слово, страшно хотела бы забрать ее к себе домой, но не могу, — жалобно пробормотала Пэтти.

И Джинни с ней согласилась. Пэтти была замужем за плотником по имени Зип. Они жили в маленьком щитовом домике с дву-

мя спальнями. Во второй спальне размещались трое их сыновей — Дейви было шесть лет, Мелу исполнилось четыре, а Тому едва стукнуло два. Так что для бабушки там просто не было места.

Джинни жила одна. Будучи ассистентом профессора в университете Джонс-Фоллз, она зарабатывала тридцать тысяч долларов в год — гораздо меньше, чем муж Пэтти, — так ей, во всяком случае, казалось. К тому же она только что приобрела в кредит двухкомнатную квартиру и мебель. Одна из комнат служила гостиной, а в отгороженном уголке располагалась кухня, вторая, с чуланом и крохотной ванной, была спальней. Если уступить маме кровать, самой придется спать на диване; к тому же нужно будет нанимать сиделку, которая присматривала бы за ней хотя бы в дневное время, ведь страдающую заболеванием Альцгеймера женщину никак нельзя оставлять в доме одну.

— И я тоже не могу взять ее к себе, — сказала Джинни.

Тут Пэтти неожиданно вспыхнула. И сквозь слезы пробормотала:

— Но зачем тогда ты обещала ей, что мы непременно ее забережем? Раз мы не можем?..

Они вышли на улицу с плавающим от жары асфальтом, и Джинни сказала:

— Завтра пойду в банк и возьму ссуду. Тогда мы сможем поместить ее в более приличное заведение.

— Но как же ты будешь отдавать эти деньги? — спросила практичная Пэтти.

— Меня должны повысить. Сначала до должности адъюнкт-профессора, а затем уже дадут полную профессуру. И еще мне предложили написать учебник и работать консультантом в трех международных организациях.

— Я-то тебе верю, — улыбнулась сквозь слезы Пэтти, — но вот поверят ли в банке?

Пэтти всегда верила в Джинни. Сама она была далеко не столь амбициозна. В школе училась средне, в девятнадцать выскочила замуж и стала домохозяйкой и матерью, о чем никогда не жалела. Джинни же в этом смысле являла собой полную противоположность сестре. Была лучшей ученицей в классе, капитаном всех спортивных команд, умудрилась даже стать чемпионкой по теннису, продолжала заниматься спортом и в колледже. У Пэтти еще ни разу не было повода усомниться в ней.

Впрочем, Пэтти была права: получить вторую ссуду в банке, вскоре после того как она взяла деньги на квартиру, будет пробле-